

УДК 81.37

ВНУТРИСЛОВНАЯ И МЕЖСЛОВНАЯ МОТИВАЦИЯ У МНОГОЗНАЧНЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Г. М. Шипицына

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Shipitsina@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается роль внутрисловной деривации и межсловного словообразования в создании и дальнейшей судьбе производного слова. Анализируются нетипичные мотивационные отношения между исходной мотивировочной базой и производным значением слова как системы его лексико-семантических вариантов (семем). А именно: 1. Мотиваторами семем многозначной лексемы служат разные слова-омонимы. 2. Мотиваторами семем одной и той же лексемы служат разные родственные слова. Смысловая структура слова как словарной единицы сохраняет свою целостность и без совпадающих мотивационных отношений у семем, это оказывается возможным благодаря подключению иных видов системных отношений между семемами (оппозиционных и отношений смежности), действующих внутри смысловой структуры лексемы наряду с эпидигматическими.

Ключевые слова: мотивация, смысловая структура лексемы, семема, семантика, производное слово, внутренняя форма, системные отношения.

Смысловую структуру слова можно рассматривать на уровне лексемы как совокупности, а точнее – системы, лексико-семантических вариантов слова (его семем) и на уровне отдельной семемы, состоящей из множества компонентов значения (сем). На любом уровне анализа семантика производных слов оказывается гораздо более сложной, чем семантика непродucedных слов как по составу структурных единиц, так и по их содержанию. По мнению Е.С. Кубряковой, сложность и многоплановость смысловой структуры производного слова обусловлена их двойной референцией: во-первых, к миру предметов действительности (отсюда их индивидуальное лексическое значение) и, во-вторых, к миру слов (отсюда выводимость значения производного слова из значений другого, связанного с ним отношениями мотивации родственного слова. Важно также и то, что производное слово выступает «представителем серии слов с аналогичной смысловой структурой» [1, 90 – 94].

Предметом данной статьи является рассмотрение нетипичных мотивационных отношений между исходной мотивировочной базой (донором) и производным значением слова. Анализ языкового материала осуществляется не на уровне лексемы, а на уровне лексико-семантических вариантов.

Процесс усложнения смысловой структуры лексем за счет развития многозначности всегда интересовал традиционную семасиологию. В частности, он был в поле научных изысканий таких великих ученых-классиков отечественного языкознания, как Р.А. Будагов, В.В. Виноградов, М.М. Покровский, А.А. Потебня, которые заложили основу системному исследованию этих процессов. Они выявили ведущие закономерности семантического развития слова, определили важные принципы его анализа, наконец, на многочисленных примерах показали, что полисемия в лексике далеко не хаотична. Д.Н. Шмелевым было сделано обобщение по системности в лексике [2] и был предложен специальный термин для обозначения внутрисловных системных отношений между семемами многозначного слова – эпидигматические системные отношения как «третье измерение лексики» наряду с парадигматическими и синтагматическими [3].

В традиционном понимании деривационных процессов в лингвистической литературе является привлекательным освещение генетической природы вторичных значений слова как порождений внутрисловного развития семем друг от друга или по принципу гроздьев (в научной литературе принят термин *радиальная мотивация*: от основного лексического значения образуются остальные значения этого слова) или же цепью (если внутрисловная производность осуществляется последовательно: от первого значения образуется второе, от второго – третье, от третьего – четвертое и т.д.). Создателем формулы «гроздьями или цепью» считается В.И. Даль. Эта формула, конечно же, изящна. Более того, она действительно соответствует динамике семемопорождения у какого-то количества слов. Например, главное значение многозначного слова *крыло-1* («орган летания у птиц, насекомых») мотивирует все его неосновные значения, образованные от основного метафорическим способом и связанные с ним интегральной семой «выступающая часть предмета из чего-либо общего – тела, конструкции, сооружения, общества и т. д.»: *крыло-2* (*крыло самолета*), *крыло-3* (*крыло ветряной мельницы*), *крыло-4* (*крыло автомобиля*), *крыло-5* (*крыло невода*), *крыло-6* (*крыло здания*), *крыло-7* (*крыло армейского построения*), *крыло-8* (*крыло политической партии*). Противоположный пример: семема *крючок-1* «небольшой металлический стержень с загнутым концом» (*дверной крючок*) мотивирует семему *крючок-2* «приспособление с загибом на одном конце, служащее для того, чтобы зацеплять что-либо» (*вязальный крючок*), от нее образовалась семема *крючок-3* «росчерк, завиток на письме» (*крючок у заглавной буквы*), от этой третьей образовалась четвертая семема (переносное, устаревшее разговорное значение) *крючок-4* «придирка, умышленное затягивание, запутывание дела» (*крючок в судебном деле*), а уже от него образовалась семема *крючок-5* («крючковорец»), например, *За малыми столами – премудрые крючки-подьячие – листают тетради* (А. Толстой. Петр Первый). (Все толкования значений и номера значений в данной статье представлены по МАС-2). При внутрисловной деривации по принципу цепи семантическое развитие слова происходит более сложным путем. О единой интегральной семеме для всех семем в данном случае говорить не приходится, а семантическое сходство закономерно наблюдается только у соседствующих в мотивационном ряду семем (у первых трех – это признак формы предмета), четвертое и пятое же значения образовывались уже не метафорическим, а метонимическим способом, и эти семемы уже не обозначают предметы, похожие на названные первыми тремя семемами этого слова.

Но в языке слов слишком много и они слишком разные, поэтому совершенно нереально надеяться, чтобы пути образования значений внутри лексемы можно было свести всего к двум моделям полисемии. Основная масса слов свою многозначность развивает самыми причудливыми сочетаниями мотиваций гроздьями и мотиваций цепью, то есть смешанными способами, и чем больше в слове семем, тем сложнее внутрисловные мотивационные отношения между ними. Однако сложность внутрисловных мотивационных отношений обусловлена не только этим. Дело в том, что деривация отдельных лексико-семантических вариантов одного слова может осуществляться и на базе лексико-семантических вариантов другого слова, а не только на базе семем «своей» лексемы, то есть словообразовательным путем. При этом между значениями многозначного мотивирующего слова и значениями многозначного мотивируемого слова тоже существуют самые разные связи, и далеко не всегда имеется соответствие между их словарными номерами и типами лексических значений. Эти отношения между разными семемами многозначных слов, объединенных в словообразовательные пары «производящее – производное», уже были предметом специального рассмотрения (работы О.П. Ермаковой [4], Е.А. Земской [5], Е.С. Кубряковой [6], И.Г. Милославского [7], А.Н. Тихонова [8] и многих других).

Анализируя внутрисловные мотивационные отношения у разных слов и сопоставляя их с данными толковых словарей, убеждаешься в таком факте: в словарях некоторая группа семем может быть объединена в одной словарной статье и представлена

как одно производное слово, что не всегда означает того, что все семемы этой лексемы семантически мотивируются одной и той же производящей основой. В качестве мотивирующих семем для одной и той же лексемы могут выступать значения разных слов. Назовем разновидности такой мотивации.

1. Мотиваторами семем одной и той же лексемы служат разные слова-омонимы. Например, в слове *цветистый*: семема-1 «с большим количеством цветов, покрытый цветами». *Пасека находилась километрах в трех от деревни, на цветистой луговой полянке близ старого русла реки.* (Яшин. Сирота.), а также *цветистый-2* «имеющий узор из крупных цветов, усеянный по всему полю цветами». *Девки и молодухи – в цветистых сарафанах на толстых стеганых юбках, чтобы казаться упитанными.* (Гладков. Повесть о детстве). Эти две семемы мотивируются основным значением многозначного слова *цвет*², определяемого в МАС-2 «то же, что цветок». А семема *цветистый-3* в значении «разноцветный, богатый красками» *Чем вам, други, услужить? Чем за службу наградить? Надо ль раковин цветистых? Надо ль рыбок золотистых?* (Ершов. Конек-Горбунок), а также семема *цветистый-4* (*перен.*) со значением «излишне украшенный, витиеватый» с лимитирующими семемами, ограничивающими сочетаемость слова в этом значении «только о слоге, речи» мотивируется уже другим словом – *цвет*¹ в значении «свойство тела вызывать зрительное ощущение в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого предметом видимого излучения; окраска» *Радуга крадется из-за деревьев и в виде полупразрушенного свода светит матовыми семью цветами на небе.* (Тоголь. Старосветские помещики).

2. Мотиваторами семем одной и той же лексемы служат разные, но родственные слова, не омонимы. Например, *академия-1* «название научного учреждения, задачей которого является развитие наук или искусств» мотивирует семему *академический-1* «прилагательное к *академия-1*». *Академия-2* – «название некоторых высших учебных заведений» мотивирует семему *академический-2* со значением «учебный». Оставшиеся две семемы многозначного имени прилагательного *академический* мотивируются словом *академизм*: от *академизм-2* «направление в изобразительном искусстве, догматически следовавшее канонам, сложившимся в античном искусстве и в искусстве эпохи Возрождения» образована семема *академический-3* со значением «следующий принципам академизма», а от *академия-1* «чисто теоретическое направление в научных и учебных занятиях, оторванность от практики, от требований жизни» образована семема *академический-4* «чисто теоретический, не затрагивающий вопросов практики, оторванный от нее». Аналогичными отношениями межсловной мотивации связаны и другие слова: от семемы *фантазия-1* образованы семемы *фантастический-1* и *фантастический-2*, от семемы *фантазия-2* образована семема *фантастический-3*. Остальные семемы слова *фантастический* уже образованы от другого слова – *фантастика* (*фантастический-4* от *фантастика-2* и *фантастический-5* от *фантастика-1*). *Механический-1* и *механический-2* мотивируются семемой *механика-1*, *механический-3* и *механический-4* мотивируются семемой *механизм-1*, а *механический-5* мотивируется семемой *механизм-5*. На базе разных слов осуществляется мотивация семем и у других имен прилагательных: *аристократический* (две семемы от *аристократ*, одна от *аристократизм*), *болезненный* (две семемы от *болезнь*, одна от *боль*), *невольный* (четыре семемы от *воля*, одна от *неволя*), *несчастный* (две семемы от *счастье*, одна от *несчастье*). Ряд таких примеров можно продолжить.

Обобщая подобные наблюдения, можно прийти к целому ряду теоретических рассуждений, расширяющих и углубляющих представление о роли мотивировки и словообразовательного процесса в создании и дальнейшей судьбе семантики производного слова, на которых мы далее и остановимся.

В смысловой структуре многозначных производных лексем, подобных приведенным выше, сосуществуют по сути дела словообразовательные омонимы, которые тем не менее не выглядят семантически обособленными друг от друга. Очевидно то,

что деривационная история мотивированного слова не играет определяющей роли в дальнейшем семантическом развитии слова, это же относится и к словам, генетически восходящим к одному корню. Различное мотивировочное наследие не является препятствием для восприятия семем, образованных от разных слов, как семем одной лексемы ни для лексикографов, ни для пользователей толковыми словарями. Следовательно, мотивировочное наследие (по терминологии А.А. Потебни «внутренняя форма слова») очень важно, необходимо в момент образования слова, однако дальнейшее семантическое развитие слова не определяет. В связи с этим уместно вспомнить рассуждение самого А.А. Потебни: «Странно было бы утверждать, что родоначальник живет в своем потомстве, хотя бы и не «сам по себе», а в соединении с чем-либо посторонним. Он в нем не живет никак; он был лишь виновником того, что в потомстве сохраняются, хотя и не неизменно, некоторые его черты» [9, 27]. Точно так же нельзя думать, что в производных словах полностью сохраняется значение исходного корня или семантика производящей основы. «В последующем слове заключено не предшествующее слово, а генетическое отношение к нему», справедливо считал А.А. Потебня [9, 28].

Итак, смысловая структура слова как лексемы сохраняет свою целостность и без совпадающих мотивационных отношений. Такое положение оказывается возможным благодаря подключению других средств объединения семем в единую смысловую структуру лексемы. Прежде всего это иные виды системных отношений между семемами, действующие внутри смысловой структуры лексемы наряду с эпидигматическими, в частности, такие парадигматические отношения, как оппозиционные и отношения семантической смежности. Они выражаются в существовании интегральных сем, идущих от семантики генетически общего корня, и наличии дифференциальных сем, обусловленных той семантико-коммуникативной функцией, для выполнения которой и создавалось производное слово. Фактически при любых мотивационных моделях межсловного типа, обеспечивших мотивацию семем одного и того же слова, продолжают действовать внутрилексемные связи между семемами, укрепляющими смысловую структуру этой лексемы. Важную стабилизирующую роль играет и единство звуковой оболочки семем, образованных как от лексических омонимов, так и от однокоренных слов: образуются производные семемы по-разному, но формальную структуру получают одинаковую.

Поскольку (как показал наш анализ) большая часть случаев объединения в одну лексему разномотивированных слов приходится на имена прилагательные, считаем этот факт далеко не случайным. Эта часть речи не имеет сложных грамматических категорий, совмещающих в своей семантике лексические, деривационные и грамматические смыслы, как, например, у глагола (глагольный вид как проявление аспектуальности, категории переходности и возвратности, связанные с залоговостью, лицо и безличность как проявление семантики персональности, глагольное время на фоне темпоральности и наклонения как выразителя модальности высказывания). Грамматическое наполнение словоформ имен прилагательных чисто формально, оно всего лишь указывает на отношение признакового слова к тому или иному имени существительному, еще и поэтому относительные имена прилагательные фактически предсказуемо и закономерно образуются от существительных, а эта имя существительное богато денотативным содержанием. У имен прилагательных подобной денотации в ее предметно-вещественном понимании нет. Денотативное содержание прилагательных обусловлена тем, что оно не столько системно, сколько ассоциативно; оно нестабильно, неопределенно, незавершенно, поскольку имя прилагательное – это одно из средств языка с ярко выраженным вероятностным характером значения.

Существует прямая зависимость наполнения и типа денотативного содержания имен прилагательных от синтагматически опорного смысла, исходящего от существительного: одно и то же прилагательное может иметь различное значение в сочетаниях с разными именами существительными. В условиях речевого функционирования при каждом новом употреблении семная структура прилагательного настраивается заново

в зависимости от сем опорного существительного. Например, *черная краска, черная ночь, черная лестница, черная зависть, черная работа, черная сборка, черная ведьма, черная полоса жизни, черная измена*.

Во всяком случае семантические и лексико-грамматические свойства имен прилагательных таковы, что позволяют производному слову легко и быстро оторваться от своего семантического мотивировочного наследства, вступая в различные синтагматические связи в речи. При этом словообразовательно обусловленная семантика слова лексикализуется, то есть приобретает новое лексическое значение, не совпадающее с суммой значений образующих слово морфем. Например, *беспомощный человек, бесценная реликвия, безрассудная смелость*. Этому способствует еще и такой фактор: производные семемы фактически испытывают потоки семантической мотивации, идущие из разных источников: во-первых, поток сем от другого слова (производящего) и, во-вторых, поток сем от другой семемы внутри лексемы. Фактически в каждой из производных семем одновременно действуют как межсловная, так и внутрисловная мотивации, но доля каждого из мотивационных потоков применительно к конкретной семеме различна. Одновременное действие двух типов мотивации как раз и обеспечивает значению производной семемы мощную поддержку при входе в состав соответствующей ячейки словарной системы языка, поскольку мотивированная семема оказывается семантически связанной с различными участками этой системы. Приведем примеры прилагательных, в мотивации которых совмещаются различные мотивационные потоки, в результате чего мотивированное слово оказывается «в целом пространстве мотиваций» (термин Е.Г. Гинзбурга, описавшего основные модели полисемии [10]). Например, семема *безопасный-1* «такой, который не грозит опасностью, надежно защищенный» и семема *безопасный-3* – «находящийся вне опасности, не подвергающийся опасности» мотивируются другим словом – *опасный-1* – «закрывающий в себе опасность, грозящий какой-либо бедой, катастрофой». Семема *безопасный-2* «не причиняющий вреда; безвредный» мотивируется семемой *опасный-2* «способный причинить большое зло, несчастье, нанести какой-либо ущерб, урон». В то же время в слове *безопасный* ощутимы и внутрисловные мотивационные связи: основное его значение мотивирует два неосновных значения этого слова по радиальному типу полисемии.

Чем больше значений у слова, тем сложнее и разнообразнее его источники мотивации для разных значений. Например, у многозначного слова *вольный*. Его межсловная мотивация: от *воля-3* образованы семемы *вольный-1*, *вольный-4* и *вольный-5*. От *воля-5* образована семема *вольный-2*. От *воля-4* образованы семемы *вольный-3*, *вольный-6*, *вольный-7*. Источники внутрисловной мотивации таковы: *вольный-1* мотивирует семемы *вольный-2*, *вольный-3*, *вольный-4* по радиальному типу мотивации. Но в этом же слове действует и цепочный тип мотивации: от *вольный-4* образуется семема *вольный-5*, от *вольный-5* образуется семема *вольный-6*, от *вольный-6* образуется семема *вольный-7*.

Мы воздержимся от представления итогов наших рассуждений в виде однозначных обобщений мотивационных моделей для имен прилагательных. Более того, мы считаем, что законченное и окончательное распределение всех слов даже одной части речи по таким моделям полисемии невозможно осуществлять без определенно-го насилия над словарной стихией, подверженной постоянной динамике. Отношения мотивации не носят статичного характера, они находятся в постоянном развитии и вызывают изменения как во внутрилексемных отношениях семем, так и в отношениях межсловной деривации (при синхронном подходе к ее пониманию и анализу). Дело в том, что семантическая природа и судьба слова оказываются под воздействием очень многих и разнообразных факторов. Разделяя общую судьбу однотипных единиц лексики в общеязыковых глобальных процессах, каждая из семем между тем имеет и собственную «жизнь», обладает отличительными чертами, сформированными условиями своего образования, функционирования и развития именно этой семемы.

Для абсолютного тождества семантической мотивационной модели даже двух очень похожих слов требуется совпадение большого количества разных факторов и случайностей, что наблюдается не часто. Например, у имен прилагательных *двойственный* и *тройственный* однотипная словообразовательная структура и одинаковы (или очень похожи) многие другие лексико-грамматические особенности. И тем не менее их мотивационные модели не совпадают, и как результат этого несовпадения у внешне похожих лексем смысловая структура различна и различен набор входящих в нее семем. Сравн.: семема *двойственный-1* «такой, который содержит в себе два различных качества, часто противоречащих друг другу; противоречивый» образована от *два-1* в значении «число два». По радиальному типу полисемии семема *двойственный-1* мотивирует две семемы – *двойственный-2* «двуличный» и *двойственный-3* «касающийся двух, двоих». При этом внутрисловная мотивация для каждой из производных семем базируется на различных мотивировочных признаках, производные семемы от исходной получают различные семы: для *двойственный-2* это сема «противоречивый», а для *двойственный-3* это сема «количество, равное двум». Слово же *тройственный* по смысловой структуре проще. У него всего две семемы, и для каждой из них мотивация исходит от слова *три* в основном значении «число три». *Тройственный-1* обозначает «проявляющийся в трех видах; тройкий» (*тройственное созвучие*), и *тройственный-2* «заключенный, подписанный тремя государствами, организациями» (*тройственный союз*). Обе производные семемы наследуют от мотивирующего слова сему «количество, равное трем». Внутрисловная мотивация в лексеме *тройственный* слабая, но она есть и свои функции выполняет, то есть обеспечивает единство и целостность смысловой структуры лексемы как системы семем. Несовпадение объема смысловых структур внешне похожих друг на друга лексем по количеству и содержанию входящих в них семем объясняется очень многими факторами. В частности, такими, как структурные, валентные, грамматические и семантические особенности их мотиваторов; такими, как семантические и структурные особенности той лексико-семантической парадигмы, в которую входит мотивированная семема, лексическое окружение этой семемы в парадигме, распределенность в ней мест и ролей в выражении смыслов в различных дискурсах при функционировании семем этой лексико-семантической парадигмы. Однако в конечном счете выбор конкретной мотивационной модели при семемообразовании зависит от смыслового задания, которое носители языка «поручили» каждой из образуемых семем.

В заключение отметим, что смысловые структуры лексем, имен прилагательных, в частности, носят открытый, незамкнутый характер. Они оставляют возможность дальнейшего развития деривационного потенциала входящих в них семем.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 81 – 155.
2. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М., 1964.
3. Шмелев Д.Н. О третьем измерении лексики // Русский язык в школе. – 1971. – №2. – С. 6 – 11.
4. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. – М., 1984.
5. Земская Е.А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке // Историко-филологические исследования. – М., 1967. – С. 92 – 103.
6. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М., 1981.
7. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М., 1980.
8. Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. – Самарканд, 1971.
9. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Том 1–2. – М., 1958.
10. Гинзбург Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия. – М., 1985.

INTRAWORD AND INTERWORD MOTIVATION OF RUSSIAN MULTIFORM ADJECTIVES

G. M. Shipitsina

Belgorod State University

e-mail:

Shipitsina@bsu.edu.ru

The article deals with the role of interword derivation and wordconnective word formation in creation and development of derivative word. The author analyzes untypical motivational relations between source motivate base and derivative meaning of the word as the system of its lexical-semantic variants (sememes). Thus, on one hand the different homonyms are motivators of sememes in multiform lexeme, on the other hand different related words are motivators of the sememes in the same lexeme. The meaning structure of the word as a vocabulary unit keeps its integrity without coincident motivational relations of sememes. It becomes possible due to the integration of systemic relations between sememes of other types, such as opposite relations and relations of contiguity. These relations function inside of a lexeme structure alongside with epigrammatic.

Key words: motivation, meaning structure of lexeme, sememe, semantics, derivative word, inside form, systemic relations.